

Санкт-Петербургская
православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

Т.В. Барсов

К вопросу о сущности христианского брака

*Опубликовано:
Христианское чтение. 1903. № 9. С. 327-347.*

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия
(www.spbda.ru), 2009. Материал распространяется на основе
некоммерческой лицензии [Creative Commons 3.0](https://creativecommons.org/licenses/by/3.0/) с указанием
авторства без возможности изменений.

СПбПДА
Санкт-Петербург
2009

Къ вопросу о сущности христіанскаго брака.

ЯСНОЕ и определенное ученіе православной церкви о христіанскомъ бракѣ въ послѣднее время крайне обезображено и извращено тенденціозными умствованіями современныхъ публицистовъ, проповѣдниковъ «новаго пути» въ области богословскаго знанія и нравственной жизни. Въ вопросѣ о бракѣ эти публицисты, подъ предлогомъ уясненія внутренней, таинственной сущности брака и правильного воззрѣнія на него, усиливается выразить свои цинически-тлетворные взгляды, и грубо-чувственные инстинкты. Объявляя содержимыя церковію и раздѣляемыя нашимъ законодательствомъ воззрѣнія на бракъ — односторонними, современные публицисты ухищряются замѣнить ихъ новоизмышленными, потворствующими разслабленію правовъ и ласкающими чувственность мнѣніями. Разсчитывая заинтриговать читателя и набербовать сторонниковъ, современные публицисты, ничтоже сумняся, принятыя и установившіяся церковныя понятія о бракѣ обзываютъ наслѣдіемъ византійскихъ идей, сложившихся и перенесшихъ въ византійское законодательство подъ вліяніемъ аскетическихъ, словомъ монашескихъ тенденцій. Эти-то тенденціи, по ихъ мнѣнію, обезобразившія брачное право Византіи, послужили источникомъ и почвою для тѣхъ ригористическихъ, какъ бы не евангельскихъ, требованій, которыми обставленъ у насъ институтъ брака, и которыя отодвинули христіанскій бракъ отъ его подлинной сущности. Подобныя разсужденія, оказываясь совершеннымъ абсурдомъ, являются ложными въ виду того историческаго факта, что выраженные въ Евангеліи, раскрытыя въ Посланіяхъ Апостольскихъ поня-

тія христіанскаго брака, были восприняты церковнымъ сознаніемъ и стали проникать въ церковную практику и прививаться къ жизни первыхъ христіанъ—сряду же по ихъ вступленіи въ церковь, т. е. задолго до появленія монашества, а еще болѣе до регламентаціи византійскаго законодательства по брачному праву. Христіанская церковь, съ самаго начала взявъ подъ свое руководственное покровительство христіанскую семью, выдѣряла въ нее и семейныя и брачныя евангельскія начала. Посланія св. апостоловъ переполнены наставленіями въ этомъ именно духѣ. Первымъ христіанамъ, имѣвшимъ глаза видѣть и уши слышать, оставалось только воспринимать эти наставленія и переводить въ дѣйствительную жизнь. Первые христіанскіе писатели въ своихъ свидѣтельствахъ ясно открываютъ намъ проникновеніе этихъ наставленій въ дѣйствительную жизнь и присутствіе ихъ въ семейныхъ и брачныхъ отношеніяхъ. Исторія докладываетъ, что аскеты и дѣвственники древней церкви, жившіе среди другихъ и не оставлявшіе общества, были первыми піонерами, отражавшими въ своей жизни обѣты воздержанія отъ брака и подвиги цѣломудрія и дѣвства. Они—первые въ своемъ поведеніи положили начало тому образу жизни, который въ Евангеліи признанъ удѣломъ тѣхъ, кому дано свыше, и того состоянія, которое приравниваетъ земныхъ людей къ небожителямъ. Византійское законодательство пошло навстрѣчу церковнымъ воззрѣніямъ уже въ то время, когда эти воззрѣнія вполне обрисовались въ церковномъ сознаніи и выразились въ дѣйствительной жизни. Оно воспринимало, усваивало, ограждало и охраняло своими постановленіями церковныя начала брака. Въ послѣдовательныхъ своихъ постановленіяхъ оно признало церковное вѣнчаніе единственно законною формою заключенія брачнаго союза въ то время, когда церковная, словомъ таинственная, сущность христіанскаго брака была уже готовою стихіею для византійскаго законодательства, и когда участіе церкви въ заключеніи брачнаго союза христіанъ имѣло свои глубокіе корни въ практикѣ. Византійское законодательство относительно брака вообще развивало въ своихъ постановленіяхъ то, что было сознано церковію и выражалось въ ея принципіальныхъ законоположеніяхъ. Христіанскій бракъ, съ первыхъ дней христіанской церкви мыслившійся особымъ установленіемъ, словомъ таинствомъ, былъ признанъ таковымъ и со стороны государственнаго закона въ его опредѣленіяхъ,

ограждавшихъ чистоту, святость и ненарушимость супружеской жизни. Современные публицисты, объявляя всѣ сии признаки христіанскаго брака порожденіемъ византизма и византійскихъ политическихъ ученій, грѣшатъ и противъ церковнаго авторитета и противъ исторіи христіанскаго развитія. Не византизмъ указывать и диктовать христіанской церкви принципы ея внутренняго благоустройства, — напротивъ христіанская церковь — выраженные и предначертанныя для нея въ Евангеліи, раскрытыя и изъясненныя въ посланіяхъ св. апостоловъ, начала — сама развивала и примѣняла къ жизни на общечеловѣческой основѣ, но съ уваженіемъ къ племеннымъ, политическимъ и географическимъ условіямъ народнаго быта. Развиваясь внутренно и дѣйствуя въ этомъ направленіи, христіанская церковь тѣ же животворныя начала Евангелія вносила въ отвердѣвшія формы политическаго, общественнаго и государственнаго быта Византіи. Исторія докладываетъ, что государственная власть Византіи охотно открывала дверь для вліянія церкви на народную, семейную и общественную жизнь, предоставляя ей предстоятелямъ-пастырямъ завѣдываніе дѣлами разныхъ отраслей политической сферы. Въ этомъ случаѣ государство пользовалось услугами церкви для своего внутренняго благосостоянія, — какъ въ свою очередь церковь не отказывалась отъ покровительства государства для своего внѣшняго благоденствія. Въ этомъ и выражался тѣсный, взаимный союзъ церкви и государства, который, при правильномъ его направленіи, и велъ человѣчество къ истинному благу и счастію. Сторонники «новаго пути» глубоко грѣшатъ передъ истиною, когда въ церковныхъ установленіяхъ византійскаго періода усматриваютъ отклоненіе церкви отъ ея начальныхъ, евангельскихъ принциповъ въ сторону государственнаго режима, и чрезъ то всѣ церковныя установленія объявляютъ не выражающими подлиннаго духа церкви. Подобное умозрѣніе оказывается парадоксальностію слѣпоствующаго въ церковныхъ вопросахъ ума: Евангеліе всегда было и не переставало быть вѣрою церкви. — Церковь въ свою очередь всегда была и, оставалась жизнью по вѣрѣ Евангелія. Вѣра есть духовная сила, озаряющая умъ сознаніемъ и созерцаніемъ откровенной истины; церковь есть органъ и проводникъ этого духа для вліянія на жизнь человѣческую. Поэтому Евангеліе не понятно безъ церкви, и церковь не отдѣлима отъ Евангелія. Сторонники «новаго пути», усиливаясь истол-

ковать евангельскія и вообще откровенныя истины безъ разумѣнія церковнаго и даже вопреки церковному сознанію, только сплетаютъ колючія тернія лжи и заблужденій.

Подтачивая устои христіанскаго брака византійскимъ ихъ происхожденіемъ, будто бы необязательнымъ для нашего времени, сторонники «новаго пути» не могли не сознать своей скользкой безпочвенности; ибо и византизмъ могъ быть истиннымъ выразителемъ христіанскихъ идей. Поэтому они повернули въ другую сторону, святотатственно коснувшись циническою своею мыслию самой сущности христіанскаго брака, таинственной его стороны, стараясь отождествить послѣднюю съ чувственными вождѣленіями грѣховной природы человѣка. Въ этомъ направленіи они—существенные признаки христіанскаго брака его—таинственность, святость и ненарушимость—ухищряются понимать, истолковывать и объяснять по-своему. Таинственность брака у нихъ почти не выдѣляется изъ психической области и не поднимается выше половыхъ, симпатическихъ влеченій одного супруга къ другому. Святость таинства брака почти сплошн замыкается въ предполагаемую чистоту, непорочность и безупречность плотскихъ, супружескихъ отношеній. Ненарушимость брака отождествляется съ добровольнымъ согласіемъ и готовностію супруговъ продолжать сожитіе до вѣнчекъ взаимнаго раздраженія и неудовольствія. При этомъ вовсе не слышно упоминанія объ обязательномъ, нравственномъ, рѣшительномъ подчиненіи игу брака, какъ добровольно съ яснымъ и твердымъ сознаніемъ принимаемому на себя супругами подвигу безкорыстнаго въ пользу другъ друга самопожертвованія, ограниченія своихъ капризныхъ склонностей и привычекъ, обузданія своей чувственности и возведенія своихъ помысловъ на высоту нравственную. При подобныхъ представленіяхъ таинственная сущность христіанскаго супружества совершенно пераляется, и христіанскій бракъ низводится на степень плотской половой связи, при которой супружескія отношенія представляются не удовлетвореніемъ половыхъ, не чуждыхъ грѣховности влеченій, а одухотворяются и возводятся на степень таинственнаго священодѣйствія. Подобныя воззрѣнія настолько необычны и разрушительны, что пролагаютъ торный путь ко всякаго рода безнаказаннымъ увлеченіямъ. Если не остается прираженіе никакой грѣховности и плотской нечистоты въ половыхъ отношеніяхъ супруговъ, то не имѣютъ для себя никакой почвы требованія отъ супруговъ воздержанія

отъ излишняго сладострастія. Апостолъ говоритъ: *во избѣжаніе блуда каждый имѣй свою жену и каждая имѣй своего мужа* (2 Кор. VII, 2). Отсюда ясно, что въ основѣ половыхъ отношеній лежитъ нечистота, которая какъ бы затушевывается при вступленіи въ брачный союзъ, вслѣдствіе того, что въ семъ случаѣ супруги добровольно осуждаютъ себя на ограниченіе своихъ чувственныхъ влеченій. Современные публицисты идутъ далеко въ семъ вопросѣ и не смущаясь заявляютъ, что половыя отношенія безупречны, что плотскія вождѣленія супруговъ въ бракѣ, освященномъ церковію, получаютъ характеръ святыхъ отношеній, устраняющихъ присутствіе грѣховности. На этомъ заявленіи слѣдуетъ, и съ особеннымъ вниманіемъ, остановиться и размыслить въ виду того, что это заявленіе есть какъ бы тотъ кульминаціонный пунктъ, къ которому направлялись и до котораго дошли и договорились наши современные публицисты. Съ этого пункта, какъ бы съ высокой горы, освѣщается вся ихъ работа, направленная къ тому, чтобы оправдать потуги, съ которыми они усиливается поколебать устой христіанскаго брака. Эти потуги только обличаютъ ихъ склонность, подъ вліяніемъ жизненныхъ неудачъ, провести крайне странныя воззрѣнія, свидѣтельствующія о недостаткѣ истинной любви къ ближнему и собственнаго нравственнаго чувства. Въ подтвержденіе того, какъ низкопробны въ нравственномъ отношеніи эти воззрѣнія, съ какою беззащитностію и грубостію они высказываются, воспользуемся послѣдними въ этомъ родѣ разсужденіями изъ апрѣльской книжки журнала «Новый Путь». Здѣсь пишется: «Сладкое» есть обратное боли, и какъ боль насъ останавливаетъ отъ вреднаго, такъ сладкое и вкусъ сладости даны намъ какъ притяженіе къ полезному. Полезнѣе для рода человѣческаго, кажется, нѣтъ ничего, какъ размножаться: и вотъ отчего, вовсе не самимъ человѣкомъ, соединена съ этимъ сладость. «Сладко — значитъ грѣхъ!» Тогда питайтесь гвоздями вмѣсто хлѣба: это достаточно больно и по вашей теоріи приведетъ васъ къ раю... «Сладко» не значитъ не «грѣхъ», не «святость», а только — «нужно»; а вотъ нужное — это уже: *правда, праведное, должное*; и по этой цѣли, по этому объекту, къ которому гонить насъ «сладкое» — и оно само есть тѣнь или пособіе, орудіе праведности. Если «вообще сладкое» вредно, именно по качеству сладости — ну, сдерите съ себя одежды, питайтесь преднамѣренно заплеснѣвшимъ хлѣбомъ, вытаскивайте вату изъ ватнаго пальто

и подпарывайте мѣхъ на шубѣ. Право, вся борьба противъ пола идетъ изъ развращеннаго воображенія, которое забыло всю біологическую, всю космическую сторону дѣла. Послужать такъ на «седьмой заповѣди» переломилась эра языческая и христіанская, послушать еще—такъ разница «до грѣхопаденія» и «послѣ грѣхопаденія» основывается только на соблюденіи и нарушеніи «VII заповѣди». «Сотворивъ Адама и Еву, Богъ далъ имъ запрещеніе: не нарушьте VII заповѣди: они нарушили — и пали. Право, вѣдь таково всеобщее пониманіе грѣхопаденія; почти всеобщее. Но тогда почему-же въ десяти-словіи Синайскомъ она не первая? даже почему — не единственная? Но знаете ли, она есть точно заповѣдь первая и заповѣдь единственная во всѣхъ нашихъ богословствующихъ журналыцахъ, которые не знаютъ иного грѣха кромѣ «плодиться и множиться» и иного «Соблазнителя», «Лукаваго», кромѣ внушившаго человѣкамъ: «плодитесь, множитесь, наполните землю». Вотъ главный секретъ почти всѣхъ нашихъ богослововъ, что они грызутъ только одну эту мочалку,—и изъ «VII заповѣди», закрывшей отъ нихъ землю и небо, содѣлали себѣ Бога Единопоклоняемаго. Перечтите всѣ ихъ труды; прислушайтесь ко всѣмъ ихъ рѣчамъ: нѣтъ помина о гордости, о скупости, о сребролюбіи, о любви къ комфорту, о «послушествованіи на друга своего свидѣтельства ложна», но какъ у маниака, одержимаго «idée fixe», вѣчно выскакиваетъ идея въ родѣ того, что вотъ онъ (маниакъ) «стеклянный и, пожалуй, разобьется», такъ у этихъ «рабовъ старыхъ заученныхъ тетрадокъ» вѣчно выскакиваетъ на языкѣ и въ умѣ страхъ, что они «разобьются» отъ «женщины» или объ «женщину». И они, какъ умалишенный въ палатѣ, ходятъ на цыпочкахъ, оглядываются, «умерщвляютъ» себя, дабы не только не приблизиться, но и угасить въ себѣ желаніе приблизиться къ женщинѣ. «Адамъ, отвратись отъ ребра своего, Евы», «Адамъ, отринь и оклеветай планъ сотворенія твоего», — вотъ заповѣдь новая и странная» ¹⁾. Что сказать по поводу приведеннаго разсужденія? Ничего другого, кромѣ того, что эти разсужденія полны цинизма и нравственнаго глумленія. Стараясь укорять богослововъ въ томъ, что они ложно понимаютъ седьмую заповѣдь, вопреки божественному предопредѣленію о размноже-

¹⁾ «Новый Путь», апрѣль 1903 г., стр. 114—116. В. Розановъ «Въ своемъ углу».

ниіи человѣческаго рода, авторъ приведеннаго разсужденія въ конецъ разрушаетъ эту заповѣдь, утверждая что испытываемая временная грѣха сладость отъ вождѣленія плоти есть дѣло полезное для человѣка и въ силу этой полезности нужное человѣку, есть какъ бы служеніе долгу, правдѣ, праведное. Возможно ли согласиться съ такимъ разсужденіемъ?

Псалмонѣвецъ, Царь и Пророкъ Давидъ, исповѣдуя передъ Сердцевѣдцемъ Богомъ свой грѣхъ, и прося объ очищеніи своихъ беззаконій, сознавался: *въ беззаконіи зачатъ и во грѣхъ родила меня матъ моя* (Псал. 50, 7). Фарисеи, испытывавшіе слѣдородженнаго—какъ и отъ кого онъ получилъ прозрѣніе, обличали его: *во грѣхахъ ты весь родился и ты ли насъ учиши* (Іоан. IX, 31). Св. апостоль Павелъ, преподавая свои благожелательныя наставленія евреямъ, въ заключеніи своего посланія къ нимъ поучаетъ: *бракъ да будетъ честенъ и всѣхъ и ложе непорочно; блудниковъ же и прелюбодѣевъ судитъ Богъ* (Евр. XIII, 4). Во всѣхъ этихъ и подобныхъ симъ мѣстахъ Св. Писанія высказывается та общая основная мысль, что естественныя плотскія отношенія половъ заражены грѣховною нечистотою. Въ частности въ благожелательномъ наставленіи апостола Павла слышится та мысль, что заключенный и христіанами бракъ можетъ быть чуждъ надлежащей чистоты, и супружеское ложе христіанъ можетъ быть лишено безупречной непорочности; равнымъ образомъ и живущіе въ брачномъ сопряженіи христіанскіе супруги, въ своихъ супружескихъ отношеніяхъ, могутъ напоминать собою блудниковъ и прелюбодѣевъ, которыхъ ожидаетъ судъ Божій. Такія явленія, обнаруживая присущую человѣческой природѣ грѣховную нечистоту, удостовѣряютъ, что эта нечистота, заражая половыя влеченія, вмѣстѣ съ ними переходитъ и на супружескія отношенія сочетавшихся бракомъ христіанскихъ супруговъ. Присутствіе этой нечистоты и первые слѣды обнаруженій этой грѣховности замѣтили и ощутили въ себѣ, еще въ раю наши прародители послѣ того, какъ дерзнули нарушить данную имъ Творцомъ заповѣдь. Сказавъ о божественномъ установленіи брака между прародителями, его существъ и послѣдствіяхъ, бытописатель объ отношеніяхъ первыхъ людей въ ихъ брачномъ состояніи замѣчаетъ: *и были оба наги, Адамъ и жена его, и не стыдились* (Быт. II, 25). Тихія, мирныя, безмятеж-

ныя, дарившія свѣтомъ и радостію отношенія были удѣломъ первыхъ людей, пока къ нимъ не вторгся змій, искуститель съ своими губительными и гибельными, тлетворными навѣтами. Полагая въ вышеприведенныхъ словахъ бытописателя изображеніе послѣднимъ невиннаго состоянія прародителей, съ естественной и нравственной стороны, авторъ «Записокъ на книгу Бытія», преосвященный Филаретъ митрополитъ московскій разъясняетъ: «пріемлемая въ нравственномъ отношеніи нагота, чуждая стыда, есть знаменіе внутренней и внѣшней чистоты. Стыдъ есть ощущеніе дѣйствительнаго, или воображаемаго, но примѣтнаго недостатка въ совершенствѣ, или въ красотѣ; слѣдовательно тогда можетъ имѣть мѣсто стыдъ наготы, когда она открываетъ дѣйствительное или приводитъ на мысль нѣкоторое несовершенство, или безобразіе, которое какъ не можетъ быть дѣломъ Божиимъ,—то безъ сомнѣнія есть слѣдствіе нравственной порчи. Обыкновенное дѣйствіе стыда есть желаніе скрываться: но сіе желаніе свойственно дѣламъ тьмы, а не дѣламъ свѣта. Изъ сего видно, что нагота первыхъ человѣковъ есть такое состояніе, въ которомъ они, ходя во свѣтѣ и истинѣ, ничего не имѣли скрывать отъ Бога и совѣсти» (Записки на книгу Бытія, стр. 81—82. Спб. 1819 г.). Безболѣзненное, мирное и безмятежное состояніе мгновенно оставило прародителей, какъ только они вкусили запрещеннаго плода. *И открылись*, говоритъ бытописатель, *глаза у нихъ обоимъ и узнали они, что наги и сплели смоковые листья и сдѣлали себѣ опоясанія* (Быт, III, 7). Первымъ слѣдствіемъ грѣха было ощущеніе наготы съ чувствомъ стыда, заставившее Адама и Еву сплести смоковые листья и сдѣлать опоясанія. — Появленіе этихъ новыхъ чувствъ естественно указываетъ на послѣдовавшее, коренное измѣненіе въ человѣческой природѣ, которое расположило потомъ и Господа Бога сдѣлать Адаму и Евѣ кожанныя одежды и одѣть ихъ. Изъясняя сущность этой переменъ, авторъ «Записокъ на книгу Бытія» пишетъ: «нагота, которую ощутили согрѣшившіе прародители, была и внутренняя, ибо соединена была со страхомъ и желаніемъ скраться отъ Бога; и внѣшняя, ибо требовала одежды. Внутренняя нагота знаменуетъ лишеніе первобытной непорочности и благодати; внѣшняя предполагаетъ ощущеніе нѣкотораго несовершенства или нечистоты въ тѣлѣ. Ощущеніе наготы смущенные грѣшники думали исцѣлить опоясаніемъ. Конечно, нѣкоторыя части тѣла особенно подвержены были сему ощу-

щенію... Но поелику ощущенію наготы сопутствуетъ страхъ Бога; то сіе ощущеніе отнести можно непосредственно къ дѣйствию совѣсти. Въ чреслахъ, которыя суть видимый источникъ и предзнаменованіе потомства (Быт. XXIV, 2; XXIX, 10; Евр. VII, 5.10), оно представляетъ Адаму весь родъ человѣческій; и всѣ роды грѣховъ и наказаній, имѣющихъ родиться отъ перваго грѣха: и источникъ благословенія Божія представляется ему источникомъ неспосаго посрамленія и мученія. (Запис. на кн. Быт., стр. 96—97).

Такимъ образомъ съ грѣхопаденіемъ первыхъ людей произошла въ человѣческую природу такая порча, которая сдѣлала послѣднюю сѣдалищемъ грѣховной нечистоты и источникомъ порочныхъ вождѣленій, которыя продолжаютъ жить и отравлять нравственное бытіе человѣка. Слѣды этого поврежденія со всѣми гибельными ея послѣдствіями открылись въ бракахъ сыновъ Божіихъ со дщерями человѣческими. Поводомъ къ заключенію таковыхъ браковъ послужило прельщеніе сыновъ Божіихъ красотою дщерей человѣческихъ, т. е. чувственныя вождѣлнія. Послѣдствіемъ заключенія таковыхъ браковъ было то, что сыны Божіи, живя въ супружескомъ общеніи съ дщерями человѣческими, постепенно утрачивали черты духовнаго богоподобія и предались плотскимъ вождѣлніямъ, приведшимъ къ пренебреженію всѣхъ возвышенныхъ духовныхъ и нравственныхъ внушеній. Умноженіе на землѣ родившихся отъ таковыхъ супружествъ исполнивъ нечестія довершило человѣческое развращеніе. Бытописатель говоритъ: *и увидѣлъ Господь, что велико развращеніе человековъ на землѣ, и что всѣ мысли и помысленія сердца ихъ были зло во всякое время. И раскаялся Господь, что создалъ человека на землѣ и возкорбѣлъ въ сердцѣ Своемъ. И сказалъ Господь истреблю съ лица земли человековъ, которыхъ я сотворилъ, отъ человека до скотовъ и гадовъ и птицъ небесныхъ истреблю, ибо я раскаялся, что создалъ ихъ* (Быт. VI, 5—7). Истребленіе перваго міра потопомъ было вызвано крайнимъ развращеніемъ человѣческаго рода, происшедшаго на почвѣ половыхъ отношеній въ супружествахъ сыновъ Божіихъ съ дщерями человѣческими.

И послѣ потопа обнаженіемъ наготы, выражавшей непристойность, сопровождалось паденіе праведнаго Ноя. Хамъ, посмѣявшійся надъ наготою своего отца, обнаружилъ тѣмъ не только неуваженіе къ нему, но и недостатокъ собственнаго цѣломудрія; напротивъ Симъ и Іафетъ въ своемъ поступкѣ об-

наружили противоположныя чувства. Въ томъ и другомъ случаѣ, правда въ противоположныхъ чувствахъ, заявляло себя одно и то же признаніе нечистоты въ зараженномъ грѣхонаде-ніемъ тѣлѣ. Приготовляя израильскій народъ къ принятію за-кона на Синаѣ, Моисей повелѣлъ въ теченіе трехъ дней вы-мыть свои одежды и не входить, не прикасаться къ женамъ, очевидно въ знакъ того, что это было дѣломъ нечистымъ (Исх. XIX, 14. 15). Моисей вообще называетъ мерзостію предъ Го-сподомъ всякое плотское общеніе, которое было бы допущено съ нарушеніемъ данныхъ имъ предписаній, повелѣвая преда-вать смерти прелюбодѣевъ и блудниковъ (Лев. XX, 10. Втор. XXII, 23—24). Строгость законовъ Моисея относительно брач-ныхъ союженій слѣдуетъ объяснять вообще сознаніемъ при-сутствія плотской нечистоты въ половыхъ отношеніяхъ. Моисей почитаетъ уже оскверненною ту жену, которая бывъ отпу-щена мужемъ, вступила въ супружество за другого и потомъ снова пожелала бы возвратиться къ прежнему мужу (Втор. XXIV, 34). Причина такого оскверненія очевидно въ плот-скомъ ея сожитіи съ другимъ мужемъ. Пророкъ Іеремія почи-таетъ оскверненіемъ всей страны то обстоятельство, если бы жена, отпущенная мужемъ, и вышедшая за другого, пожелала бы потомъ возвратиться къ своему прежнему мужу (Іерем. III, 1). Въ книгѣ Притчей Соломоновыхъ пишется: *кто изгоняетъ добрую жену, тотъ изгоняетъ счастье; а содержащій прелюбодѣйку безуменъ и нечестивъ* (Притч. XVIII, 13). Всѣ эти заявленія выражаютъ одну мысль ту, что половыя отно-шенія на почвѣ плотской связи нельзя почитать безупречными и что предосудительность ихъ заключается именно въ плот-ской грѣховной нечистотѣ. Эта нечистота, заражаясь страстно-стію, служитъ источникомъ многихъ горькихъ послѣдствій для человѣка. Нечистая страстность Самсона къ Далилѣ довела его до ослѣпленія. Страстные вождѣлнія Царя Саломона развра-тили его сердце. Вообще красною нитью чрезъ Ветхій Заветъ проходитъ развиваемая и защищаемая нами противъ современ-ныхъ публицистовъ мысль, что плотскія отношенія половъ во-обще не безупречны, и что эта безупречность, свидѣтель-ствуя о нечистотѣ половыхъ отношеній, переходитъ и на суп-ружескія отношенія въ бракѣ, которыхъ нельзя считать свя-тыми въ томъ смыслѣ, будто бы благодать таинства брака, освящая сочетавающихся супруговъ, перерождаетъ самую ихъ природу. Блаженный Іеронимъ въ одномъ изъ своихъ писемъ

выражаетъ мысль, что всемогущество Божіе беспредѣльно, но и Богъ не можетъ дѣвицѣ, потерявшей дѣвство, возвратить цѣломудріе.

Въ «Богословскомъ Вѣстникѣ» при обличеніи іеромонаха Михаила, повторившаго въ своемъ публичномъ чтеніи «о бракѣ» мысль о святости половыхъ общеній супруговъ, утверждается: «не считаемъ допустимымъ, или по крайней мѣрѣ принятымъ въ богословской наукѣ выраженія: общеніе (т. е. половое) свято. Бракъ святъ это конечно сказать можно, но что свято половое общеніе мужа съ женой — такого выраженія мы не встрѣчали ни въ Св. Писаніи, ни у отцевъ и учителей церкви, ни въ богослужебныхъ книгахъ, ни въ сочиненіяхъ знаменитѣйшихъ отечественныхъ богослововъ. Да и вообще странно называть святымъ актъ, чрезъ который, по ученію Св. Писанія, передается въ людяхъ отъ поколѣнія къ поколѣнію первородный грѣхъ. Это выраженіе введено въ употребленіе лишь нѣкоторыми изъ нашихъ публицистовъ, слѣдовать примѣру которыхъ для о. Михаила было по меньшей мѣрѣ необязательно» (декабрь, 1902, стр. 640—641).

Выводъ изъ сего разсужденія тотъ, что понятіе святости не приложимо къ половому общенію супруговъ, и что современные публисты говорятъ несообразности, когда таинственную сущность брака думаютъ отождествлять съ половымъ актомъ. Это—грубая ложь, которая осуждается и церковнымъ воззрѣніемъ на бракъ.

Христосъ Спаситель, изъясняя требованія Моисеева закона въ отношеніи къ христіанамъ, въ нагорной проповѣди училъ: *слышали что сказано древнимъ: не прелюбодѣйствуй. А Я говорю вамъ, что всякій, кто смотритъ на женщину съ вожделѣніемъ, уже прелюбодѣйствовалъ въ сердцѣ своемъ.* (Мѡ. V, 27, 28). Если одинъ страстный взглядъ со стороны мужчины на женщину приравнивается Христомъ Спасителемъ къ внутреннему прелюбодѣянію, — то слѣдовательно въ половыхъ отношеніяхъ таится какая-то нравственная зараза. Св. апостолъ Павелъ прямо говоритъ, что *хорошо челоѣку не касаться женщины, но во избѣжаніе блуда каждый имѣй свою жену и каждая имѣй своего мужа* (1 Кор. VII, 1, 2). Отсюда съ ясностію вытекаетъ, что христіанскій бракъ есть средство для борьбы со грѣхомъ и, какъ средство, естественно

предполагаетъ извѣстный режимъ для пользующихся этимъ средствомъ въ тѣхъ видахъ, чтобы оно было плѣсообразнымъ и дѣйствительнымъ. Этотъ режимъ есть своего рода діета воздержанія. Такъ именно и смотритъ на брачный союзъ православная церковь, которая устанавливаетъ свои градаціи его допустимости. А именно: первый бракъ церковь благословляетъ, почитая его установленнымъ Богомъ, честнымъ и почитнымъ сожительствомъ, осуждая всякаго, кто порицаетъ бракъ и гнушается имъ по привязанности къ дѣвству и въ сознаниіи, будто бы онъ мѣшаетъ достиженію Царства Небеснаго. Второй бракъ церковь разрѣшаетъ, по словамъ Св. Василія Великаго, какъ врачевство противъ блуда, а не какъ напутствіе къ сластолюбію, подвергая уже второбрачныхъ епитиміи. На третій бракъ церковь взираетъ, какъ на нечистоту, снисходя на него какъ на состояніе, лучше распутнаго любодѣянія, осуждая троебрачныхъ на болѣе продолжительное покаяніе. Если уже третій бракъ Св. Василій Великій называетъ не бракомъ, который и не составляется по закону, а многоженствомъ, паче наказаннымъ блудомъ; то о четвертомъ бракъ не можетъ быть и рѣчи. Это прямо многобрачіе, о которомъ, по свидѣтельству Св. Василія Великаго, отцы умолчали, какъ о дѣлѣ скотскомъ и совершенно чуждомъ роду человѣческому. Высказанныя на основаніи и почти подлинными словами каноновъ православной церкви воззрѣнія, какъ бы молотомъ побиваютъ ласкательныя мысли, которыми современные публицисты, на подобіе морской сирены, стараются уловить довѣрчивыхъ въ сѣти нравственной распущенности, завѣряя, что въ плотскомъ прилипаніи половъ заключается внутренняя сущность христіанскаго брака, что плотскія отношенія въ бракѣ святы и не подлежатъ никакому осужденію. Отъ подобныхъ завѣреній близкій и самый покатый шагъ къ виѣбрачному невоздержанію. Св. Василій Великій научаетъ: «блудъ не есть бракъ и даже не начало брака. Посему совокупляющихся посредствомъ блуда лучше есть разлучати, аще возможно. Аще же всемѣрно держатся сожитія, то да примуть епитимію блуда: но да остаются въ сожитіи брачномъ, да негорше что будетъ». Настоящее разсужденіе св. отца прямо удостовѣряетъ, что всякое, допускаемое виѣ брачнаго союза плотское общеніе есть грѣховная нечистота, подвергающая вступившихъ въ таковое общеніе епитиміи, т. е. требующее духовнаго врачеванія. Нашъ оте-

чественный канонистъ, толкователь церковныхъ каноновъ пресвященный Іоаннъ, епископъ смоленскій, удостовѣряетъ, что приведенное правило св. Василія «имѣетъ отношеніе къ сожитію внѣ брака, которое въ извѣстной степени дозволено было римскими гражданскими законами, такъ что постоянное сожительство лицъ разнаго пола имѣло виды супружества, но не было супружествомъ, и хотя сожительницы не пользовались правами законныхъ супруговъ, и дѣти не были признаваемы законными, однакожь это дѣлалось съ вѣдома правительства, по предварительному ему объявленію объ этомъ, если сожительство было между свободно рожденными, а между вольноотпущенными не требовалось и этого объявленія... Св. Василій въ своемъ правилѣ не признаетъ такого сожитія не только супружествомъ, даже началомъ брака, а осуждаетъ какъ постоянное любодѣяніе и требуетъ расторженія его: только въ случаѣ неодолимаго продолженія сожительства, или или какой либо невозможности къ расторженію его, повелѣваетъ оставлять виновныхъ подѣ епитимією на все время сожитія, впрочемъ въ цадеждѣ обращенія сего сожитія въ законный бракъ: да не горшее, что будеть».

Въ томъ же направленіи изъясняютъ настоящее правило и греческіе канонисты. Вальсамонъ пишетъ: «Св. отецъ дѣлаетъ постановленіе о тѣхъ, которые, сходятся блуднымъ образомъ, и говоритъ, что блудъ не считается бракомъ, ни поводомъ къ браку, такъ чтобы обѣ стороны уже принуждены были соединиться между собою брачнымъ образомъ, но лучше разлучать ихъ, т. е. не допускать между ними брачнаго сочетанія, потому что основаніе такого брака противозаконно и достойно осужденія. Если же та и другая стороны неотступно держатся сожитія, не желая разлучаться другъ съ другомъ, то пусть подвергнутся епитиміи, какъ учинившіе блудъ, и затѣмъ получатъ дозволеніе сожительствовать; дабы не было чего-нибудь худшаго, напримѣръ, чтобы они по разлученіи опять не стали тайно грѣшить блудомъ, т. е. соединяясь съ другими лицами, не нарушили законнаго брака, и не совершили прелюбодѣянія, или, чтобы въ случаѣ пренятствія (ихъ союзу) не наложили на себя руки вслѣдствіе горячности своей любви. Такія постановленія, прибавляетъ Вальсамонъ, какъ мнѣ кажется, имѣли мѣсто тогда, когда бракъ составлялся по одному соглашенію, но никакъ и не нынѣ, когда бракъ совершается чрезъ молитвословіе и Божественное причащеніе Тѣла

и Крови Христовой. Ибо какимъ образомъ соединятся другъ съ другомъ брачнымъ союзомъ тѣ, которые подверглись епитиміи за блудъ и не приобщаются таинъ? Если скажешь, что они послѣ наложенія на нихъ трехлѣтней епитиміи за блудъ, не совершали блуда, то не встрѣтишь препятствія къ тому, чтобы дозволить имъ сочетаться законнымъ образомъ послѣ трехлѣтія».

При этомъ Вальсамонъ дѣлаетъ слѣдующій вопросъ: «но кто нибудь спросить, почему святой въ другомъ правилѣ опредѣляетъ, что дѣва послѣ растлѣнія должна сочетаваться съ растлителемъ законнымъ образомъ, а учинившимъ блудъ не прямо дозволяетъ совокупляться бракомъ, но съ ограниченіемъ?» Рѣшая этотъ вопросъ, Вальсамонъ говоритъ: «Дѣву послѣ растлѣнія, можетъ быть, никто не рѣшится взять въ бракъ, а если не будетъ дозволено жениться на ней ея растлителю, то она можетъ остаться безчестною и достойною жалости, а блудница не потерпитъ такой невыгоды, если не выйдетъ замужъ за того, кто совершилъ съ нею блудъ, ибо она лишена была дѣвства другимъ»... Конечъ приводимыхъ разсужденій Вальсамона тотъ, что, «состояція въ блудной связи должны соединяться законнымъ образомъ». Слѣдовательно законное сопряженіе, по мысли Вальсамона, то, которое, какъ онъ говоритъ, совершается чрезъ молитвословіе и Божественное причащеніе Тѣла и Крови Христовой.

Впрочемъ и заключенный при участіи церкви, но безъ соблюденія ея требованій, бракъ можетъ оказаться не только незаконнымъ, но и лишитъ вступившихъ въ такой бракъ возможности покаянія. Неокессарійскій соборъ (314 г.), бывший прежде Никейскаго (325 г.), перваго вселенскаго, говоритъ: «жена, совокупившаяся бракомъ съ двумя братьями, да будетъ отлучена отъ общенія церковнаго до смерти. Но при смерти, еще общается разрушити бракъ по выздоровленіи да будетъ по челоуѣколюбію допущена къ покаянію. Еще же умереть жена, или мужъ въ таковомъ бракѣ: оставшемуся трудно покаяніе». Толкователи церковныхъ каноновъ «трудность покаянія для остающагося въ живыхъ супруга видятъ въ томъ, что кающемуся довѣряютъ въ томъ случаѣ, если онъ оставивъ грѣхъ, раскаивается, если же дѣлаетъ зло, то какъ считать его кающимся, или какъ приписать въ число кающихся... Епитимія дается тому, кто согрѣшаетъ и оставляетъ грѣхъ, а не тому, кто пребываетъ въ немъ, тотъ остается совершенно

отверженнымъ. Посему кто до смерти не оставилъ незаконнаго брака съ женою, тотъ показываетъ, что, еслибы она была еще жива, онъ не оставилъ бы грѣха. А какъ пребывающій, насколько отъ него зависитъ, во злѣ, онъ долженъ имѣть трудность въ дѣлѣ покаянія». Въ приведенномъ правилѣ разсматривается бракъ жены съ двумя братьями; св. Василій Великій въ своемъ письмѣ къ Діодору, епископу тарскому, разсуждаетъ о бракѣ мужа съ двумя сестрами. Разсужденія св. отца настолько характерны и назидательны для нашего времени, что нельзя не остановиться на нихъ.

Св. отецъ пишетъ: «отъ святыхъ мужей намъ преданъ обычай, имѣющій силу закона, такой: еще кто, будучи одержимъ страстію нечистоты, впадетъ въ безчинное совокупленіе съ двумя сестрами: то и бракомъ сіе не почитается, и въ церковное собраніе таковыя пріемиются не прежде, какъ по разлученіи другъ отъ друга. Посему, еще бы и не можно было рещи ничего другого, довольно было бы и сего обычая для преграды злу. Но поелику писавшій письмо покушался, ложнымъ доводомъ, ввести въ образъ жизни толикое зло: то нужно и намъ пріяти въ помощь разсужденіе, хотя въ предметахъ весьма ясныхъ у всякаго сильнѣе разсужденія бываетъ предубѣжденіе. Ибо писано, говоритъ онъ, въ книгѣ Левитъ: *жену къ сестрѣ ея да не поимеши въ ревнивую соперницу, открыти срамоту ея предъ нею, еще живъ сущей ей* (Лев. XVIII, 18). Отсюда явно быти сказуетъ онъ, яко позволительно взяти по смерти ея. На сіе прежде всего то реку, яко елика законъ глаголетъ, сущимъ въ законѣ глаголетъ (Рим. III, 19). Ибо иначе мы подлежали бы обрѣзанію, и субботѣ, и удаленію отъ нѣкоторыхъ снѣдей. Ибо неужели намъ, когда найдемъ что либо благопріятствующее нашему сладострастію, подчиняти себя игу работы закона, а когда какое изъ предписаній явится тяжкимъ, прибѣгати къ свободѣ сущей во Христѣ; насъ вопрошали: есть ли въ Писаніи разрѣшеніе брати жену послѣ сестры ея? Мы рекли, нѣтъ: что и безопасно для насъ и истинно: но посредствомъ благовиднаго заключенія устанавливать мнѣніе о томъ, что умолчано, значило бы законополагати, а не приводить слова закона. Ибо такимъ образомъ хотящему дерзнути, было бы позволено, и при жизни жены, взяти сестру ея. Ибо такое лжеумствование можетъ приспособлено быти и къ сему случаю. Писано, скажетъ онъ: не поимеши въ ревнивую соперницу, слѣдовательно взяти не имѣющую ревности законъ не

запретилъ. Посему защитникъ страсти речеть, яко сестры имѣють правъ не ревнивый. И такъ когда нѣтъ причины, по которой запрещено сожитіе обѣихъ: то что препятствуетъ взяти сестеръ? Сего не написано, скажемъ мы: но и того не опредѣлено. Мысль же, выводимая чрезъ заключеніе, дѣлаетъ позволительнымъ и то и другое. Надлежало бы возвратиться не много вспять, къ предшествовавшимъ изреченіямъ закона, и тѣмъ освободиться отъ затрудненія. Ибо примѣчается, яко законодатель не всѣ роды грѣховъ объемлетъ, но въ особенностяхъ отвергаетъ грѣхи египтянъ, откуда изшелъ Израиль, и хананеевъ, къ которымъ онъ преселялся. Ибо такъ читается: *по долѣмъ земли Египетскія, въ ней же обитаете, да не сотворите, и по начинаніямъ земли Хананейскія, въ нюже азъ введу вы тамо, не сотворите, и по законамъ ихъ не ходите.* (Левитъ, XVIII, 3). Вѣроятно, яко сей родъ грѣха не былъ допущенъ тогда въ житіи язычниковъ: а потому и законодатель не имѣлъ нужды ограждать отъ него. Но почему, запротивъ большее, онъ умолчалъ о меньшемъ? Потому что многимъ изъ плотолюбивыхъ, въ отношеніи къ сожитію съ сестрами живыхъ женъ, казался быти вреденъ примѣръ Патриарха. Намъ же что подобаетъ творити? Написанное глаголати, или умолчанное изыскивати; ибо въ сихъ законахъ не написано и того, яко отецъ и сынъ не должны входить къ единой наложницѣ: но у пророка сіе подвергается величайшему осужденію. *Сынъ бо, глаголетъ, и отецъ влазятъ ко единой рабынѣ* (Амос. II, 7): и сколько другихъ видовъ нечистыхъ страстей изобрѣло бѣсовское училище, о конхъ Божественное Писаніе умолчало; не желая нарушати своя священныя важности наименованіями гнусностей, оно означало нечистоты общими наименованіями, какъ глаголетъ апостоль Павелъ: *блудъ же, всяка нечистота ниже да именуется въ васъ, якоже подобаетъ святымъ* (Ефес. V, 3): подъ именемъ нечистоты онъ заключаетъ недостойныя названія дѣйствія мужей и женъ. Такимъ образомъ умолчаніе не дастъ разрѣшенія сластолюбцамъ. Я же скажу, яко и не умолчалъ законодатель о семъ видѣ беззаконія: но весьма сильно запретилъ оный. Ибо слова: *да не увидиши ко всякому ближнему плоти твоя открыти срамоты ихъ* (Лев. XVIII, 6) заключаютъ въ себѣ и сей видъ родства. Ибо для мужа что можетъ быть ближе собственныя жены, или паче своя ему плоти; ибо они уже не суть два, но плоть одна. Такимъ образомъ, посред-

ствомъ жены, сестра ея переходитъ въ родство мужа. Ибо какъ не можетъ онъ взять мать жены своея, ниже дщерь ея, потому что не можетъ взять свою мать, ниже дщерь ея: такожде не можетъ взять сестру жены своея, потому что не можетъ взять сестру свою. И обратно, не позволительно и женѣ сожителъствовать съ сродниками мужа: потому что права родства общи для обоихъ... Речено: *еще ли не удержатся, да посягаютъ* (1 Кор. VII, 9). Но и посягая, да не беззаконнуютъ. А тѣ, которые оскверняя душу страстію безчестія, не взирають и на естество, издревле различившее именованія родства, какимъ именемъ родства назовутъ рожденныхъ отъ такихъ двухъ супружествъ; братіями-ли родными или двоюродными, ибо по причинѣ смѣшенія имъ приличествовати будетъ и то и другое наименованіе. Не дѣлай, человѣче, тетки дѣтей мачихою ихъ, и ту, которая вмѣсто умершія матери должна ласкати ихъ, не вооружай неутомимою ревностью. Ибо една ревность мачихъ, и за гробъ простираетъ ненависть, или паче, другіе, бывшіе врагами, примиряются съ умершими, а мачихи отъ смерти начинаютъ ненависть. Главное же изъ вышереченнаго есть слѣдующее, еще кто желаетъ бракъ по закону, то ему отверста вся вселенная: еще же желаніе его управляется страстію, тѣмъ паче да воспретится ему бракъ, *да научится сосудъ свой содержать въ святости, а не въ страсти похоти*» (1 Сол. IV, 4—5).

Въ приведенномъ правилѣ Св. Василій Великій съ особою подробностию и всесторонне разсматриваетъ вопросъ о бракѣ пожелавшаго взять въ супружество родную сестру умершей его жены, и съ полною силою убѣдительности представляеть таковой бракъ и незаконнымъ и нечистымъ сопряженіемъ. Въ высшей степени поучительно для нашего времени замѣчаніе Вальсамона въ толкованіи на это правило. Онъ говоритъ: «посланіе Великаго отца къ Діодору, хотя исполнено великой мудрости и истиннаго краснорѣчія и въ немъ звучать струны Всесвятаго Духа, въ настоящіе дни неприменимо на практикѣ: оно узаконяетъ, что никто не долженъ брать въ общеніе брака двухъ сестеръ, что по благодати Божіей нынѣ совсѣмъ не приходитъ на мысль человѣку христіанину; поэтому оно и нуждается въ большемъ толкованіи. Но имѣй постоянно въ памяти это божественное посланіе; ибо хотя то, что опредѣлено въ немъ, не прилагается на практикѣ, но содержащіяся въ немъ умо-заключенія, сужденія и сопоставленія, и въ особенности то,

что составлено и противопоставлено на основаніи Ветхаго Заѣѣта и великаго апостола Павла весьма полезно для другихъ цѣлей». Оно предупреждаетъ повтореніе подобныхъ случаевъ на практикѣ. Въ параллель съ разсматриваемымъ правиломъ церковные законовѣды ставятъ и другое правило того же св. Василія Великаго, которое гласитъ: «живущая съ прелюбодѣемъ есть прелюбодѣйца во все время сожитія». Это правило предполагаетъ невозможнымъ заключеніе брака между прелюбодѣями, т. е. такими лицами, которыя состояли или состоятъ въ прелюбодѣйной связи, по той причинѣ, что брачное сожитіе таковыхъ будетъ продолжающимся прелюбодѣянїемъ, а не бракомъ. На семъ основаніи осуждавшійся въ христіанской церкви бракъ между прелюбодѣями возбранялся и законами византійскихъ государей. Для большаго уясненія мысли приведеннаго правила въ его примѣненіи воспользуемся толкованіемъ Вальсамопа, патріарха антїохійскаго. Онъ говоритъ: «нѣкоторая жена, совершивъ прелюбодѣянїе и живя вмѣстѣ съ прелюбодѣемъ, была подвергнута епитиміи, а когда мужъ ея скончался, хотѣла вступить въ бракъ съ прелюбодѣемъ. Святый говоритъ, что этого не должно быть: но она должна остаться подъ епитиміею до тѣхъ поръ, пока будетъ жить съ прелюбодѣемъ, хотя бы и окончились 15-ть лѣтъ епитиміи за прелюбодѣянїе; ибо тѣ только дѣйствительно выполняютъ епитиміи, назначаемыя при покаяніи, и получаютъ прощеніе, которыя оставляютъ зло, а которыя пребываютъ во злѣ, остаются подъ тою же самою епитиміею, хотя бы тысячу разъ несли ее. Такъ опредѣляетъ законъ церковный, а гражданскій не позволяетъ прелюбодѣйцѣ какимъ бы то ни было образомъ вступать въ бракъ съ прелюбодѣемъ. Ибо 66-я глава 37-го титула 60-й книги (Василикъ) говоритъ: «та, которая однажды согрѣшила прелюбодѣянїемъ, если послѣ этого сдѣлается супругою того, кто совершилъ съ нею прелюбодѣянїе, не покрываетъ своей вины бракомъ, заключеннымъ послѣ прелюбодѣянїя». И 13-я глава 42-го титула: «если я, подвергнусь суду за прелюбодѣянїе съ женою, женюсь на пей, то хотя бы она и не была осуждена, бракъ не имѣетъ силы; ибо осужденный въ прелюбодѣянїи съ женою не можетъ взять ее въ (законную) жену».

Если держаться началъ церковнаго брака и слѣдовать предъявляемымъ вселенскою церковію условіямъ законнаго

брачнаго союза,—то необходимо, остановившись внимательною мыслію на приведенныхъ канонахъ, вывести заключеніе, что могутъ быть такіа незаконныя супружества, которыя и при дѣйствительномъ существованіи ихъ не только чужды нравственной стихіи, но и представляютъ нечистыя сопряженія, устраниющія возможность самаго покаянія. Посему кто не хочетъ пребывать въ грѣховной нечистотѣ и подвергать себя жребію отвергаемыхъ церковію, не долженъ вступать въ осуждаемая канонами церкви супружества. Бракъ есть одно изъ важнѣйшихъ учрежденій въ средѣ человѣческаго рода. Онъ установленъ Самимъ Творцомъ въ певинномъ состояніи первыхъ людей, и установленіе его подтверждено Богомъ праведному Ною послѣ потопа. Союзъ брака освятилъ и Христосъ Спаситель первымъ Своимъ чудомъ—претвореніемъ воды въ вино. Апостолъ Павелъ въ своемъ ученіи одухотворяетъ брачный союзъ мужа и жены до таинственнаго единенія Христа Спасителя съ Его церковію, и объявляетъ его союзомъ чистымъ и непорочнымъ, при взаимныхъ цѣломудренныхъ отношеніяхъ супруговъ. Христіанская церковь съ первыхъ дней своего существованія приняла союзъ брака подъ свое особое покровительство, освятивъ его заключеніе особыми священными дѣйствіями и оградивъ его законность особыми постановленіями. Законы и обычаи всѣхъ, знакомыхъ съ условіями гражданственности народовъ, вводили въ этотъ союзъ присутствіе религіозной стихіи и тѣмъ возвышали и закрѣпляли его установленіе. Бракъ есть законная норма жизни въ земномъ существованіи человѣка,—а потому она всячески должна быть охраняема и ограждаема. Устроенная на правильныхъ началахъ брака семья, есть лучшее достояніе въ человѣческой жизни, сюда уходитъ человѣкъ отъ мятежныхъ тревоженій житейской среды; здѣсь-же онъ находитъ условія для развитія и удовлетворенія высшихъ сторонъ своего богоподобнаго духа. Здоровая семья въ собственномъ смыслѣ является на землѣ преддверіемъ Царства Божія, въ ней крѣпнѣютъ и созрѣваютъ высшія качества человѣческой души и полагаются залогіи для тѣхъ началъ правды, добра, мира и радости, которые составляютъ неотъемлемую принадлежность упомянутаго Царства. Въ виду такого высокаго значенія брачнаго союза и происходящей отъ него семьи, нельзя не осуждать нашихъ современныхъ публицистовъ, которые задавшись цѣлію указать новые пути мысли и жизни, съ легкимъ серд-

цемъ свои измышленія выдаютъ за чистую истину, совершенно забывая, что они потрясаютъ самые корни брака и готовятъ крушеніе семьи. Христіанская церковь имѣетъ свои особыя воззрѣнія на союзъ брака и, сообразно съ этими воззрѣніями, предъявляетъ тѣ или другія требованія, чтобы возвести этотъ союзъ на подобающую ему высоту и воспитать въ своихъ послѣдователяхъ сознаніе долга хранить чистоту и непорочность брачнаго ложа. Отклоненіе отъ этихъ требованій, съ противорѣчіемъ церковнымъ принципамъ, потрясаетъ институтъ брака въ самыхъ его основахъ, лишая его церковнаго характера. Между тѣмъ церковный бракъ есть апотеоза нравственнаго просвѣтленія, таинственнаго освященія и благодатнаго врачеванія естественныхъ половыхъ влеченій грѣховной природы человѣка. Но это просвѣтлѣніе, освященіе и врачеваніе отнюдь не перерождаютъ грѣховной природы человѣка и не дѣлаютъ того, что плотскія половыя отношенія супруговъ по самому ихъ существу становятся святыми и одухотворенными. Это вело бы къ разрушенію нравственнаго начала въ человѣкѣ и его непринужденнаго стремленія къ нравственной чистотѣ. Дѣйствіе таинственной, благодатной стороны брака обнаруживается въ томъ, что нечистыя и грѣховныя, возникающія изъ растлѣнной природы человѣка, похотливыя возбужденія плоти не вмѣняются человѣку, и не скверняютъ его, если онъ вступилъ въ правильный и законный бракъ и живетъ въ благословенномъ церковію супружествѣ. Въ церковныхъ памятникахъ такъ выражается сущность христіанскаго брака, какъ таинства. «Супружества или законнаго брака тайна отъ Христа Бога установлена есть во умноженіе рода человѣческаго и въ воспитаніе чадъ въ славѣ Божіей, въ неразрѣшимый союзъ любви и дружества и въ займную помощь и во еже отгребатись грѣха любодѣянія». Въ этомъ опредѣленіи нѣтъ и намека на тѣ тлетворныя мысли, которыми обольщаютъ себя и другихъ наши современные публицисты, стараясь плотскими услажденіями подмѣнить духовную сущность брака. Въ приведенномъ опредѣленіи съ ясностію констатируется ненарушимость брачнаго союза, основаннаго на любви и дружествѣ, его равносторонность для мужа и жены и служеніе обоемъ въ достиженіи плотской чистоты. Апостоль Павелъ убѣждаетъ супруговъ: *жены не властна надъ своимъ тѣломъ, но мужъ; равно и мужъ не властенъ надъ своимъ тѣломъ, но жена. Не уклоняйтесь другъ отъ друга, точію*

по согласію на время, для упражненія въ постъ и молитвъ и потомъ опять будьте вѣрны, чтобы не искушалъ васъ сатана невоздержаніемъ вашимъ (1 Кор. VII, 4. 5). По разъясненію св. отцовъ церкви наставленіе Апостола имѣетъ тотъ смыслъ, что вступившіе въ бракъ сами должны быть довлѣющими судьями въ своихъ супружескихъ отношеніяхъ, располагая себя къ воздержанію въ дни праздниковъ, когда церковь усугубляетъ свои молитвы.

Предметъ ясенъ. Особенная гибельность проповѣдуемыхъ нашими публицистами мыслей заключается въ томъ, что стараясь извратить церковныя начала христіанскаго брака и провозгласить свои мудрованія правиломъ брачной жизни, они отклоняютъ тѣмъ себя самихъ, отвлекаютъ и другихъ отъ спасительнаго лона церкви, какъ бы забывая, что назначеніе Христовой церкви не поощрять, а врачевать людскія беззаконія, не замалчивать человѣческія грѣхи, а изглаждать ихъ при паличности сознанія человѣкомъ своей грѣховности. Если же это сознаніе помрачается до того, что люди очевидное зло начинаютъ отождествлять съ воображаемымъ добромъ, и соблазняютъ имъ неопытныхъ и нетвердыхъ: въ такомъ случаѣ не только беззаконныя супружества можно объявить безвинными, но и всѣ увлеченія страсти признать нормальными и требовать для нихъ законнаго оправданія. Если такъ будемъ относиться къ жизненнымъ ошибкамъ, то печего и думать о возвышенныхъ идеалахъ добра и правды. Церковь—носительница этихъ идеаловъ, а потому у нея надо искать и разъясненія нашихъ недоумѣній. Вопросъ о христіанскомъ бракѣ по преимуществу есть церковный вопросъ въ той его сущности, которая и даетъ ему значеніе духовнаго и нравственнаго, словомъ—спасительнаго союза. Но съ точки зрѣнія церковныхъ началъ и заключаемые при участіи служителя церкви, но съ нарушеніемъ ея законныхъ требованій, незаконныя супружества не становятся чрезъ то по существу и благодати законными и нравственными сопряженіями. Опасность для вступающихъ въ таковыя браки субъектовъ заключается въ томъ, что они затрудняютъ себѣ самый путь къ покаянію тѣмъ, что не допускаютъ въ себѣ и мысли о грѣхѣ, поддаваясь воображаемому предположенію, что ихъ брачный союзъ, заключенный по обрядамъ церкви, въ самомъ дѣлѣ благословленъ церковію. Обманомъ и наслѣіемъ составляются таковыя супружества, но *Богъ поругаемъ не бываетъ.*

Т. Барсовъ.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия — высшее учебное заведение Русской Православной Церкви, готовящее священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений, специалистов в области богословских и церковных наук. Учебные подразделения: академия, семинария, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта — ректор академии епископ Гатчинский **Амвросий** (Ермаков). Куратор проекта — проректор по научно-богословской работе священник Димитрий Юревич. Материалы журнала готовятся в формате pdf, распространяются на DVD-дисках и размещаются на академическом интернет-сайте.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки